

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедр: иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России; истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета

Самобытность и идентичность: опасности технизации патриотического сознания

В статье противопоставлены самость и соответствие на предмет угрожающего цивилизационного уплощения патриотизма, связанного с пародийным нивелированием его высокой идеи через перекодирование в дежурный тренд.

Ключевые слова: самобытность, идентичность, самость, соответствие, культура, цивилизация, технократия, родина, человечность, образование, смысл.

«Лучшее в нас, - отмечал Ницше, - быть может, унаследовано от чувств прежних эпох, которые теперь уже вряд ли доступны нам непосредственно; солнце уже закатилось, но небо нашей жизни ещё пламенеет и сияет его лучами, хотя мы уже не видим его» [1, с. 357]. Нынешнее положение дел ещё более углубляет эту неодолимую пропасть: самые заманчивые признаки могут работать на понижение означиваемых ими

качеств, превращая жизнь в смерть, а цветы – в винтики... Тому есть множество феноменальных примеров: косметичность – без космичности, даосизм – без Дао, христианство – без Христа; где-то в этом ряду залегает и патриотизм – без родины.

Если исходно самобытность включает в себя сияющую космичность самости, то на определённом этапе деградации её первобытной целостности возникает патологиче-

ская претензия на обособление с последующим противопоставлением локальности и тоталитета. Идентичность ещё хуже, ибо жёстко фиксирует некое протокольное соответствие, становится подрастётным признаком, способствует организации тотального управления, разумеется, всегда мнимого и, вопреки его замыслу, чреватого нарастающей неподконтрольностью и катастрофизмом.

«Рассматривать мир не с высоты, - отмечал О. Шпенглер, - как Эсхил, Платон, Данте, Гёте, а с точки зрения житейских нужд и припирающей действительности – это я называю *заменой перспективы с птичьего полёта лягушачьей перспективой*. И именно таково нисхождение от культуры к цивилизации» [2, с. 541].

Сегодня может сложиться впечатление, что русская культура после своей «цветущей сложности» романтического XIX столетия проходит на вековом исходе второго тысячелетия от Рождества Христова критический надлом и вступает на путь цивилизации: здесь совпали бы К. Н. Леонтьев и Л. Н. Гумилёв – и даже Н. Я. Данилевский, писавший об относительной «молодости» России, полтора века спустя, пожалуй, пополнил бы именно этот ряд.

Однако именно шпенглеровское наследие как бы включает нам дополнительное освещение со своего угла, открывающее, с одной стороны, западное происхождение «российской» цивилизации, а с другой – восхитительное протокультурное младенчество самого русско-сибирского мистериального мира, которому суждено расцвести лишь «в мгlistой глубине третьего тысячелетия», а потому плодами его интегрально-евразийской цивилизации, вероятно, будут питаться тысячелетия последующие, если им вообще будет суждено пополнить сюжетную канву христианского календаря, что никак не исключал А. Дж. Тойнби [3].

Не подрывая статус российского автопрома, можно сказать, что патриотическое сознание по природе своей должно быть гуманитарным, поскольку машина, конечно же, не может быть патриотом. А человеческое вдохновение, запечатленное в названии известного УАЗа, лучше всё-таки было бы передать кириллицей, а не латиницей, подобно тому, как и ЛАДА более сердечно передаёт-

ся, вопреки итальянской родословной автомобиля, всё-таки русскими, а не западноевропейскими буквами. Ещё в середине XIX века Илья Муромец славянофильства и русский Гераклит А. С. Хомяков однажды с горькой иронией отметил, что мы даже мышеловки своей не выдумали – нам только пошлости не занимать... И, кстати, именно Хомяков хорошо осознавал ту грустную очевидность, что наши вёсны будут уже без нас: «Невольно забываете вы, - писал он своему младшему другу и ученику Ю. Ф. Самарину, - что та борьба, в которую мы вступили, есть только отрывок не только вековой, но и вечной борьбы, на которую осуждено человечество, и что в каждую эпоху победа правды отхватывает от лжи такие маленькие лехи, что современники их почти не замечают: только, нарастанием составляют они что-нибудь важное. Я скажу более: плохо дело, когда эпоха радуется какому-нибудь великому приобретению: того и смотри, следующим придётся дорого за него поплатиться. Только медленно и едва заметно творящееся полезно и жизненно; всё быстрое идёт к болезням...» [4, с. 91]. «Мы видим пахарей и сеятелей, а жатву трудно даже и представить себе. Всего вероятнее, что труд наш, а жатва будет всемирная» [4, с. 119]. «Мы не должны знать, - пишет Хомяков Самарину, - что никто из нас не доживёт до жатвы и что наш духовный и монашеский труд пашни, посева и полотья есть дело не только русское, но и всемирное. Эта мысль одна только может дать силу и постоянство» [5, с. 64].

Презентовавший хомяковскую историософию советскому читателю в четвёртом томе академической пятитомной «Истории эстетики» (1969 г.), крупнейший отечественный учёный-гуманитарий конца XX столетия А. В. Михайлов, будучи автором посмертно изданной девятисотстраничной книги «Языки культуры: Учебное пособие по культурологии» [6], в другом своём труде, однако, писал о невежественных культурологах и нечеловеческом устройстве, предпочтительнее которого на деле оказывается человеческое неустройство: «Новую систему быстро не построишь, и мы пожинаем и всегда будем пожинать всё новые плоды разрушения старой образовательной системы. А стремительное перекрашивание невежественных преподавателей атеизма в ”культурологов“

приведёт лишь к тем же результатам, что и всякий великий перелом, – в России ли, в Китае ли. Страшно подумать о том, что нам так никогда и не отвязаться от нечеловеческой системы жизнеустройства, которая так и будет продолжать побивать нас своими последствиями. Это и есть самоблокировка, когда общество, в какой-то своей части убедившись в необходимости знаний и культуры, видит, что, в сущности, некому учить, – слишком мало людей со знаниями, о чём бы ни шла речь» [7, с. 474 – 475].

Р. Генон, указывая на гибельность триумфального «царства количества», вспоминает арабскую пословицу, согласно которой существует много учений, но мало учёных; он великолепно показывает, что постоянные учёты и отчёты убивают любое маломальски значимое и качественное дело, подобно переписи живого населения или подсчёту птиц в курятнике [8, с. 148]. Возвращение образованию качественного «измерения» не может обойтись без глубокого осмысления метафизики этих, казалось бы, «народных предрассудков»...

Любовь к родине – сельская и природная по своему происхождению, космополитизм же – порождение разрастающихся городов и мировых столиц. Об этом написано много яркими авторами. Но важно понять, что в области формирования «патриотического сознания» и развития «гражданского общества» необходимо основываться и обосновываться всё-таки на *странностях живой жизни* – отнюдь не на голой рассудочности и её мёртвых моделях. Об этом свидетельствует и классика русской литературы:

***Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.***

***Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степеней холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...*** [9, с. 207 – 208]

Этой теме посвящены наши прежние и новые исследовательские и методические разработки [10; 11; 12].

Библиографический список:

1. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993.
3. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
4. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков / Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях // Север. 1994. № 4.
5. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков / Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях // Север. 1994. № 3.
6. *Михайлов А. В.* Языки культуры: Учебное пособие по культурологии. М., 1997.
7. *Михайлов А. В.* Эстетика и оживление человека // Михайлов А. В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006.
8. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 1994.
9. *Лермонтов М. Ю.* Родина // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988.
10. *Океанский В. П.* Этика Закона и Благодарности в миропонимании А. С. Хомякова и в контексте нашего времени // На пути к гражданскому обществу: Научный журнал. 2011. № 3 – 4.
11. *Океанский В. П.* Сакральный космос россиеведения: Учебное пособие спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2016.
12. *Океанский В. П.* Русская словесная культура в контексте цивилизационной макроистории: Учебное пособие россиеведческого спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2017.

©Океанский В.П., Океанская Ж.Л., 2017